

Иван Алексеев

*Херувим
четырёхликий*

Классика самиздата

Иван Алексеев

**Херувим четырёхликий.
Классика самиздата**

«Издательские решения»

Алексеев И. А.

Херувим четырёхликий. Классика самиздата / И. А. Алексеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838426-4

Когда-то херувимов считали символами действий Бога. Позже –
песнословящими духами. Нынешние представления о многокрылых и
многоликих херувимах путаны и дают простор воображению. Оставляя
крылья небесам, посмотрим на земные лики. Четыре лика — вопрошающий,
бунтующий, зовущий и смиренный. Трое мужчин и женщина — вестники
силы, способной возвести земной престол справедливости.

ISBN 978-5-44-838426-4

© Алексеев И. А.
© Издательские решения

Содержание

ЛИК ВОПРОШАЮЩИЙ. «Дата Майнинг»	6
1. Поиск знаний	7
2. Поиск истины	15
ЛИК БУНТУЮЩИЙ. «КОБа»	24
1. Фёдор Викторович	25
2. Прав или нет?	28
3. Проповедники	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Херувим четырёхликий Классика самиздата

Иван А. Алексеев

«Под голубыми небесами...»

«Под небом голубым...»

А. С. Пушкин

«...вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло...»

*«И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского
Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь
к дереву жизни.»*

Бытие 3:22, 24

© Иван А. Алексеев, 2018

ISBN 978-5-4483-8426-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛИК ВОПРОШАЮЩИЙ. «Дата Майнинг»

Повесть

Известный учёный читает лекцию в институте, где начинал трудовую деятельность. Лекция посвящена инструментарию поиска знания, скрытого огромными массивами данных. Александр Рылов на этой лекции и на встрече со старыми друзьями после неё, приходит к аналогии различения правды-истины в море противоречивой современной информации.

1. Поиск знаний

– Саша! Александр Владимирович! Ты как у нас? К кому? – очередной старый знакомый ухватил широкой лапой руку и добрую минуту тряс её, не выпуская, словно ждал, когда Рылов вспомнит его напрочь вылетевшее из головы имя.

С некоторых пор с именами у короткостриженого плотного мужчины с круглым лицом, одетого в тёмно-серый костюм и черную водолазку, было плохо. Замкнуто живущему Рылову было это всё равно, пока не пришлось переменить работу. На новом старом месте каждый божий день он встречал в коридорах людей, которых помнили глаза, и судорожно перебирал подходящие этим людям имена, испытывая неловкость от собственной заторможенности. Маленькие выцветшие глаза Рылова при этом стекленели, не столько от чувства неловкости, сколько от мысленной суеты, которую он сам себе задавал, напрягаясь, чтобы вспомнить. По жизни-то он давно избегал любых судорожных действий, никуда не торопился, размеренно делая все дела, – научившись даже пропускать мимо ушей злость и обзывания частенько уставшей дожидаться конца его утренних сборов торопыги-жены.

– Работаю теперь здесь. Две недели уже... Николай Петрович, – мыслительная работа не прошла даром. Сомневаясь, Рылов-таки выдавил из себя имя знакомого и угадал.

– Никак в КРИТе? – любопытствуя, как все, Николай Петрович назвал аффилированное с институтом предприятие, благословлённое несменяемым начальником прибирать к своим рукам тематику государственного оборонного заказа, и тоже угадал.

– Слышал о Стецком? Говорят, пригласили к нам с лекцией. Вроде бы сегодня после обеда. В вашем зале заседаний. Пойдёшь?

– Пойду, если пустят, – ответил Рылов. – На институтскую конференцию меня без допуска не пустили.

– Ну, сравнил. Наше начальство если и можно снять, то только за режим. Почему и бесятся, тени своей боятся. А в собственный зал как тебя не пустят? Если ты там работаешь? – рассмеялся Николай Петрович. – Да и зачем столичным учёным секреты в их университетах?

Приятельски похлопав друг друга по плечам и согласившись, что у них будет ещё много возможностей поговорить, совершенно довольные собой «старички», как называла отца с его ровесниками Маша Рылова, разошлись в разные стороны.

Александр Владимирович двинулся к себе, за рабочий стол с компьютером, прислушиваясь к сердечку, неровно забившемуся от имени Стецкого, и радуясь скорой встрече, благодаря которой сегодняшней день приобретал интерес.

Толковой работой Рылова ещё не нагрузили. К тому же он подозревал в глубине души, что и не нагрузят, если он сам об этом не позаботится, – точно так, как было здесь и раньше, когда он сам должен был найти или придумать себе работу. Рылов пока не искал и не придумывал. Пока он больше присматривался да вспоминал старые времена, чем работал.

Рылова поджидала, болтая с его соседкой по рабочей комнате, скромная немолодая блондинка в белой блузке и серой в клетку юбке ниже колен – прямые волосы, собранные большой синей заколкой, свисающий до спины хвостик, нарисованные чёрные глаза и ресницы, не добавляющие белёсому лицу выразительности, – помощница-секретарша генерального и его любовница, как в первый же день рассказали Рылову дамы, удивляясь, как некоторые многие годы умеют прилежно совмещать роли жён и любовниц.

– Александр Владимирович! Оказывается, вы знакомы со Стецким. После обеда в конференц-зале будет его лекция. Генеральный сказал, что вы должны там быть!

Женщины вышли договаривать в коридор, а Рылов, довольный монаршим приказом, основательно устроился за компьютером, собравшись провести время до лекции за пасьянсом.

Эта игра его успокаивала, не мешала думать, а иногда даже помогала, заставляя некоторые поспешные мысли не лезть без очереди.

Тридцать пять лет назад Стецкий подсел к молодому специалисту Рылову в институтской столовой, чтобы удостовериться, что они закончили один и тот же факультет, и подсказать Саше не ждать в институте помощников – его образование слишком хорошо для этого заведения, поэтому надо самому искать хорошую задачу, чтобы защититься. Стецкий не сомневался в том, что Рылов этого хочет. Зачем же было сюда устраиваться в противном случае? Разочаровывать старшего на пять лет товарища Саша не стал. Стецкий, не опустивший рук после неудачной защиты диссертации, уже был героем одной из местных легенд, а спорить с легендами было глупо.

Разложив два пасьянса и запутавшись в третьем, Рылов поднялся из-за стола и пошёл с любимой глиняной кружкой попить водички.

Он работал в том здании института, где был сделан стандартный офисный ремонт с пластиковыми окнами, скрытыми потолочными светильниками, сплит-системами и евросантехникой в туалетах, а в коридорах стояли кулеры с питьевой водой. Похожий ремонт был только на этаже начальника в главном здании. Другие этажи главного здания были отремонтированы проще: линолеум на полу вместо паркетной доски, дешёвая обшивка стен и потолков, испаряющая в жару отраву, второсортная и частично поломанная сантехника. Нарядно ещё смотрелся недавно побеленный фасад главного здания – жёлтенький и беленький, с парадной деревянной дверью, модными мемориальными табличками по обе её стороны и поднимающимися с асфальта на мраморное крыльцо широкими серыми ступенями. Другая же и большая часть зданий оставалась в том неремонтируемом доходящем состоянии, какое установилось ещё до побега Рылова на вольные хлеба. Получалось, что это при нём закончилась деградация оборонной науки. Всё оставшееся с тех пор как будто законсервировалось. Включая людей, словно приросших к этому месту. Впрочем, возвращенцы от них не сильно отличаются. Рылова убедил в этом первый же окликнувший его сослуживец: «Ай, Саша, молодца! Рад, очень рад видеть! И в тех же габаритах, как двадцать лет назад! Это тогда наши с тобой животы могли показаться большими, зато теперь они – в самый раз!»

Как интересно в жизни получается: не думал Саша возвращаться, а вернулся. Что поделаться, если подобное притягивается подобным? Но как же это подобное дружно рефлексивирует с государством! Что наверху, то и внизу, – магия, не иначе...

На подходах к конференц-залу Александр Владимирович вновь поразился законсервированности местного бытия.

Сначала его перехватили состарившиеся товарищи по агитбригаде: седобородый записной поэт и две «девочки» -пенсионерки, с которыми Рылов танцевал на сцене, пока был холостой. Эстафета передала ему команду – сегодня вечером сбор, на дне рождения Веры Людских, третьей незамужней танцовщицы, давно звавшей народ посмотреть её квартиру. Будут все, включая Стецкого. И общий подарок уже куплен.

А совершенно добил Рылова негнувшийся в шее, спине и коленках Василий Геннадьевич – всё ещё здравствующий, все ещё в институте и по-прежнему учёный секретарь.

Тридцать лет назад молодой Саша горячо сочувствовал еле ковылявшему полковнику, спрашивая коллег, кто это и зачем человека мучают службой, не отправляя на пенсию?

Пять лет спустя, когда написал диссертацию и пришлось с отставным уже полковником познакомиться лично, пытался угадывать, чего от него хочет этот старик, редко, словно драгоценность, роняющий сиплым голосом важные слова. Переспрашивать его было нельзя, надо было слушать, проникаясь важностью аудитории, уважать многозначительные паузы, отвечать на искусственные улыбки и сдерживать себя, чтобы не нахамить.

А ещё через десяток годов пришлось обходить недобро щурящего глаз старче стороной, чтобы отбояриться от щедрого предложения проверить на себе не освоенную в учёном совете

технологии защиты диссертации по докладу, не удивляясь больше странному сочетанию скудости слов, умирающей мимики и неосязаемой цепкости клеща.

Вот ведь какой бессменный! Лицо совсем обездвижено, улыбка стала совершенной гримасой, поддерживают за локоток, зато цепкость – прежняя. И та же надменная приторность – приязнь на расстоянии, с вышестоящего уровня. А шею со спиной он зря высоко держал, они теперь не гнутся. И всё ещё пыжится. Каков, а?

Рылов решил подождать Стецкого у входа в конференц-зал и зря.

Возможности раскланиваться по ходу движения со знакомыми у гостя практически не было. Мешало плотное сопровождение бритоголовым генеральным с одного бока и неседующим черноволосым заместителем начальника института – с другого. Все три лица оживлённые, довольные. Похоже, угощались в главном здании не одним кофе.

У входа лектор был сдан в руки Василию Геннадьевичу. То есть тот, нарисовав на лице приветливую гримасу, схватился своими худыми ручками за обе руки Стецкого и долго их не отпускал, пристально вглядываясь выцветшими глазами в лицо московского гостя. Наконец, руководящая группа двинулась в зал. Рылов пошёл следом.

Ведущие уселись в свободный президиум, а вот Александру Владимировичу пришлось поискать себе местечко.

Большое помещение голубого зала с высокими белыми потолками, способное вместить много людей, было рассчитано на комфортную работу немногих и соответственно обставлено. Не чурющийся удобств, Рылов собирался утонуть чреслами в одном из глубоких кожаных кресел, расставленных в два ряда за десятком массивных светлых столов, но опоздал – все кресла были заняты. Заняты были и почти все компьютерные стулья, загодя принесённые из комнат. Рылов уселся чуть ли не на последний свободный, в дальних рядах, почти подпирая широкой спиной стену.

Нудный Василий Геннадьевич со своими паузами и словами на вес золота затянул представление учёного гостя почти на десять минут. Наконец, Стецкого выпустили на трибуну. Он сказал в микрофон, что приятно удивлён убранством и оборудованием помещений, о которых в его время можно было только мечтать, попросил высветить на проектор свои слайды и обещал дополнительно порисовать на электронной доске. С неё и начал, размашисто записав по-английски «дата майнинг» – название лекции. Но успел перед этим внимательно осмотреть слушателей, поулыбаться первым рядам, где устроились все его старые знакомые, и покивать галёрке, выделив Рылова.

Удостоверившись, что его заметили, Александр Владимирович перевёл дух. А то он начал уже переживать, придумав поначалу, что Стецкому важно его видеть, а потом, не попав на глаза, смутившись от ложного тщеславия, перевернувшегося в детское желание спрятаться ото всех.

Подросший уровень самооценки вернул Рылову покой и способность холодного размышления.

Он порадовался за Фиму, перешедшего в категорию уважаемых людей. Не только за ум и совесть, давно признанных узким кругом знакомых, но за подтверждённый вышестоящими инстанциями статус. Раньше Фима был учёный доморощенный, каких тут много было, есть и будет, теперь – осенён благодатью столицы. Второй со времён Канторова, как сказал во вступлении Василий Геннадьевич, к месту и не к месту вспоминающий своего покойного начальника, выбравшегося из провинциального болота и доросшего до академических кругов и написания учебников.

Деловой президиум, одетый в строгие костюмы, диссонировал с укрепившимся на трибуне круглолицым сидящим евреем. Лектор был в демократическом джемпере, хоть и с галстуком на шее. И вид имел умного, а не строгого человека. Отёкшие карие глаза, сладкие полные губы, чуть влажные, словно часто облизываемы языком, отчего и лицо не кажется сухим.

Глаза навывкате, усталые, с весёлыми искорками... Как-то был здесь Фима не в теме. А с другой стороны, надо же командирам что-то делать, раз царь решил дать оборонке денег. Тут юлой закутишься. И пенсионеру Рылову найдёшь местечко в старых пенатах. И учёного еврея, над которым раньше посмеивались и выживали, приголубишь...

Такой знакомый, хоть и постаревший, образ напротив, притягивал взгляд Рылова, мешая вслушаться в смыслы произносимых слов. В голову лезли разные воспоминания, не давая сосредоточиться. Между тем тревожный подсознательный звоночек предупреждал, что шедший закадровым фоном голос нёс нужную Рылову информацию. Поднявшись до определённого уровня, внутренняя тревога переборола сбившиеся мысли Александра Владимировича, и голос профессора прорвался в сознание на середине рассказа о происхождении модного термина, не имевшего устоявшегося русского перевода.

Как полупонял Рылов, с давних пор словом «майнинг» голодные шахтёры Южной Африки называли поиск угля в отвалах ненужной капиталистам пустой породы.

Свершившаяся научно-техническая революция, с одной стороны, потенциально открыла людям скрытые от них знания, а, с другой, засыпала их таким постоянно увеличивающимся количеством лишней информации, что невольно заставила вспомнить о раскопках полезных ископаемых из гор шлака. К старому, доставшемуся от предков, понятию добавили слово «данные», уточняя, где и что ищут, и получили «дата майнинг» – обнаружение в нагромождениях информации ранее неизвестных, скрытых и практически полезных знаний, которые легко представить в наглядной форме и легко объяснить в терминах предметной области. Последнее обеспечивает доступность нового знания всем людям, в том числе, не имеющим специальной математической подготовки. Причём тропинку от прозрения через образы к новому знанию может открыть даже пустячная доработка готового инструментария или же взгляд с его помощью на имеющиеся данные под неожиданным ракурсом.

Но визуализация – это только удобный инструмент понять открытое знание, а как увидеть тот пустяк, который приведёт к открытию?

Сделав артистическую паузу с разведёнными в стороны руками, чтобы показать, что ничего нового он не скажет, лектор назвал очевидное – интуицию. Только она подскажет, как найти интересные объекты в массиве данных и как при помощи существующих методов и технологий обнаруживать то, что принесёт пользу.

Стецкий проиллюстрировал сказанное несколькими примерами своих исследований, первый из которых Рылов помнил. Когда-то давно человек из группы Стецкого соотнёс картинку из географического журнала с задачей моделирования маршрутов крылатых ракет, увидев, что в решении можно использовать тот же инструмент построения трёхмерных графов. Догадка оказалась верной. Нужный результат был получен путём несложной доработки готового метода.

В те старые времена, когда Рылов со Стецким работали в соседних отделах, Александру Владимировичу самому довелось оценить Фимины способности найти и применить готовое. Однажды Ефима Моисеевича попросили помочь Саше домучить не дающийся тому алгоритм оптимизации временной диаграммы работы нового устройства. Буквально через пару дней Фима принёс простое решение с оригинальным способом сортировки данных. В отличие от Саши, не научившегося толком работать с литературой и часто пытавшегося самостоятельно прийти к известным истинам, Фима, зная, что всё уже изобретено другими, начинал с поиска источников и умел найти. Стецкий тогда пощадил Сашино самолюбие – принёс ему американскую книжку и показал в ней то место, где был ключ к решению.

Лектор принялся исписывать электронную доску, иллюстрируя последние примеры успешного использования методов «дата майнинг». Рылову это стало неинтересно. Его собственный мыслительный процесс уже был разбужен, загружая сознание подходящими воспоминаниями. Он вспомнил Федора Канцева, одного из двух своих соседей по холостяцкому

общежитию, обиженному на власть за сокрытие правды от советских людей, и много чего измышлявшего из газетных умолчаний и нестыковок с помощью подказок «Голоса Америки» и «Немецкой волны». Хотя работать они пришли в одном потоке молодых специалистов, Фёдор был старше Саши на три года: после техникума он поработал слесарем на оборонном заводе в Новосибирске, и только потом его понесло учиться в Москву. Фёдор хорошо зарабатывал на заводе – раза в два больше, чем сейчас, закончив институт, и всё не мог понять: «Как так?» Постаравшись и поломав голову, при покладистости и определённой удаче, лет через пять он сможет перейти в разряд остепенённых учёных и только тогда будет получать те же деньги, которые зарабатывал слесарем. «Справедливо?!» Рылов, получавший ровно столько же, разделял его неудовольствие.

Для застенчивого Рылова общение с товарищами, особенно повидавшими побольше него, тогда много значило. Товарищество представлялось ему коренной связью, ради которой можно терпеть некоторые личные неудобства, вроде привычки Фёдора слушать радиоприёмник в полуночной тишине, когда как ни приглушай свет и голоса из эфира, они всё равно не дадут уснуть.

Фёдора первым из них осенило, что есть другой, равносильный способ увести людей от правды – перегрузить их морем всякой-разной информации, в которой немудрено утонуть, если не научили плавать. В век информации это более красивая позиция для успешных манипуляций, чем прятки и умолчания, – она даёт иллюзию свободы.

Откровение снизошло на Фёдора, когда ему надоело клеить книжки из газетных публикаций. Шёл год гласности, когда духовно изголодавшим советским людям разрешили выписывать любое количество толстых литературных журналов, а журналам разрешили печатать всё, что захотят, и в погоне за миллионными тиражами они постарались много чего вытащить на белый свет. Задним умом очень это походило с обеих сторон на возню муравьёв, добравшихся до блюдца с сахарным сиропом. Попробовав божественной жижи, муравей уже не способен от неё уйти. Муравьиное брюшко распухает немислимым образом, жидкость выливается обратно, но он продолжает сосать, забыв про семью и обязанности, способный к единственному движению – конвульсиям лапок в попытке отогнать соперников от сахарного счастья...

С подачи Вадика Дивина, второго Сашиного соседа, их комната прильнула к сладкому, выписав все журналы. А рукастый Фёдор на всякий случай соорудил станочек для клейки-шитья книжек и самодельных обложек, с помощью которого ребята довольно быстро заставили книжками из журнальных публикаций с обложками из синей и красной искусственной кожи две чешские книжные полки – украшение комнаты, и подоконник в придачу. Фёдор особенно загорелся собрать книжки Солженицына, отрывки из которых давно слушал украдкой по «голосам». И каждую книжку нобелевского лауреата он добросовестно начинал читать, но ни одной не закончил, а через полгода увлечённой клейки и чтения как-то разом потух и тогда же сказал, что лучший способ спрятать правду – это обложить её трудно проверяемой и перевариваемой информацией. После этого заявления Фёдор вооружился паяльником и занялся починкой старого лампового радиоприёмника размером с тумбочку, который притащил с барахолки. А Саше с Вадимом пришлось собирать книжки из продолжающих приходить каждый месяц журналов без него и под вонючий дух палёной канифоли.

С тех пор, как Фёдор женился, перебрался из общежития на квартиру и убежал из института, Рылов пересекался с ним только случайно. Впрочем, с Вадимом у Александра Владимировича получилось ровно так же, добавив горечи обмана красивой вере в товарищество, казавшимся по молодости таким важным и прочным, навсегда.

Последний раз Рылов видел Канцева полгода назад, и тот ему не понравился. Весёлый Фёдор, оптимист и балагур, вроде бы знакомо посмеивался и шутил, но явно был озабочен. Рассказал какую-то дурацкую зимнюю историю. Бежал он от своего дома в магазин за бутылочкой с любимой наливкой и не разошёлся на узкой тропинке с каким-то верзилой. «Давай, –

говорит тому, – обнимемся и повернёмся бочком, чтобы снега в сапоги не набрать». А верзила, похоже, уже поналивился. Послал материально и толкнул Канцева в снег. Но недооценил соперника. Канцев невысокий и коренастый, отчего кажется ещё ниже. Можно, конечно, предположить, что он в юности серьёзно занимался борьбой, если присмотреться к могучим шее и спине и коротким конечностям, но для этого надо голову иметь на плечах, да ещё трезвую.

В общем, вытолканный с тропинки Фёдор, набрав целый сапог снега, обиделся и коронным приёмом уронил дылду лицом в сугроб, заломив ему руку на болевой. И тот испугался, заканючил и утёк, как трус. В итоге справедливость по-канцевски вроде бы восторжествовала, но странным образом. Примерно в это же время Фёдор скovyрнул себе родинку на спине. Даже не понял, как и когда. То ли когда боролся, то ли когда мылся после борьбы. И от родинки пошла зараза, от которой ему надо лечиться. Казалось бы, всё у него есть, живи и радуйся. За что к нему прицепилась эта хворь? Но ничего. Он её уморит. Под корень изживёт...

Вот этой новости Рылов не ждал. Фёдор лечится?! Фёдор, который в жизни никогда и ничем не болел! У которого зубы до сих пор все свои и без единой пломбы! Но глаза? Глаза не его. Где ясный взор, былая прозрачность? Взгляд мутный, усталый. Весёлость искусственная. Неужели у него рак?

Мысль о болезни Фёдора добавила к воспоминаниям толику раздражения и искусительной неловкости, испытанных молодым Рыловым из-за прагматичного отношения Фёдора к женскому полу. В этом одном он тогда не собирался брать с него пример.

Несколько раз Канцев приводил в комнату девушек, деликатно выпроваживая Сашу с Вадиком искать ночлег у соседей.

Каждый раз Саша надеялся, что у Фёдора серьёзные отношения, и каждый раз напрасно. Одну совсем юную хорошенькую девушку, на Сашиних глазах вытолканную Фёдором под утро, особенно было жалко, почти до слёз. Саша буквально столкнулся с ней в коридоре. Она уходила одна, растерянная, похожая на побитую собаку.

За что с ней так? В чём она провинилась? Нельзя так делать! Сгоряча Саша даже собирался поговорить об этом с Фёдором, но днём на работе они как-то разбежались, а к вечеру он поостыл и не захотел слушать ответные обычные обвинения в неопытности и невозможности судить то, чего не понимаешь.

Но тот же Канцев умел рассказать и романтическую историю, способную не на шутку взволновать душу и плоть Рылова.

О не дававшейся школьной подруге, например, которая залезла за парнем на заброшенную сторожевую вышку в лесу, а от вида земли с высоты и скрипящего на сильном ветру помоста с поручнем-жёрдочкой обомлела, улеглась прямо на ошкуренные брёвна и прижалась к Фёдору, не мешая трогать себя. Хулиган-ветер пел парочке страстную песню об остановившемся времени, под которую качались красные окрестные сосны, в лесу потрескивал падающий сухостой, над головой клубились облака, а сквозь них часто-часто пробивалось закатное солнце – и всё это Фёдор видел, словно паря над землёй. Его сердце рвалось из груди, стремилось приспособиться к частому биению девичьего сердца, которое подсказывало без слов, как девчонке и жутко, и сладко, и хорошо...

Фёдора заводила Сашина неловкость и неопытность с девушками. Он его подталкивал, подначивал, а однажды устроил совершенно дурацкую провокацию. Привёл на танцы трёх девушек с улицы, выбрал себе самую смелую, других наделил Вадиму и Саше, а потом в два слова уговорил раскрасневшихся от танцев дам подняться в мужскую комнату. Там выпили попарно на брудершафт, выключили свет и завалились на кровати знакомиться ближе.

Саша долго переживал этот вечер. У его девушки были тёплые губы и широкая податливая спина. Как с ней управиться, он не знал. Девушка не давала себя раздеть, хотя и пустила его руки к себе в трусы. Дрожащими пальцами он оглаживал задние выпуклости и мягкий живот, добираясь до курчавых волос, от которых его настойчиво отводили длинные женские

пальцы. В глубине души он этому не противился, потому что не понимал, как можно заниматься с девушкой чем-то более серьёзным в присутствии рядом сопящих пар. Так и смешалось в его голове: настойчивый шёпот и вздохи в темноте, включённый свет и полуголая компания за столом, добавляющая винца для смелости, опять мрак и потное томление плоти, новая передышка под жёлтый свет ночника, прогулка дам в коридор до туалета и очередной сумрак – нескончаемый калейдоскоп, в котором он потерялся.

Следующим вечером Фёдор вызвал друзей на откровенность, сказав, что у него получилось заправить своей пассивности. Вадик развёл руками. Ему тоже не девочка попала, но хоть и раскрылась вся, пускаться в себя не захотела – пугала, что заявит на него, если не послушает.

Саша на их фоне почувствовал себя форменным неудачником. Сказал, что у него не получилось. Не рассказывать же, как гладил зад и курчавые волосики? Фёдор расстроился, а Вадим проявил участие: «Не переживай. Твоя тоже разогрелась. Подмываться девчонки бегали вместе».

Лучше бы он промолчал. Или сказал один на один, чтобы Фёдор не слышал...

Присутствие Фёдора с того дня Сашу тяготило. В глубине души он обрадовался, когда тот женился и съехал. А освободившееся место наставника он предоставил Стецкому. Это второе наставничество получилось без навязывания и влезания в душу – рассудочное, может быть, холодное, зато без взаимных обязательств и претензий.

Стецкий, вряд ли догадывавшийся о возложенной на него миссии, а просто из общих соображений о скуке одиночества, завлёл Сашу на репетиции агитбригады, которые проходили в общежитии. Саша не знал, получил ли он в итоге от этого занятия пользу, но определённого разнообразия во взглядах на мир оно ему добавило. К тому же ему всегда хотелось заглянуть за закрытые двери, откуда неслись звуки музыки, громкие голоса и топот ног по половицам. Благодаря Стецкому, эти двери для него открылись.

В агитбригаде он нашёл сплочённый многолетним общением коллектив, включая несколько семейных пар и женщин, пропустивших брачный возраст. Роли, как молодому, ему достались на подхвате, но он и их поначалу стеснялся, вглядываясь, как обычные люди, стремящиеся на работе выглядеть солидно, играли в самодеятельность. Впрочем, он быстро втянулся. Тот же Стецкий, бьющий толстыми пальцами по аккордеону, облизывающий от усердия губы и взмахивающий вихрами на манер деревенского гармониста, или скачущие галопом интеллигентные женщины, взвизгивающие и не стесняющиеся открывающихся из-под крутящихся юбок голых ног, – всё это электризовало воздух, складывая общую раскрепощённую обстановку, которая расшевелила бы любую буку. Вот и Рылов затанцевал, как смог. Три года он протанцевал в деревенских клубах на втором плане. Ходил вместе со всеми от деревни к деревне. На широких лыжах. По глубокому снегу. В бушлате, перевязанном алой лентой.

Агитбригадная история получилась для Саши отдушиной от официоза. Не то, чтобы редкие занятия по марксистско-ленинской подготовке, комсомольские собрания или вопросы хитро шурящихся партийных руководителей про ускорение, перестройку и экономику, которая должна быть экономной, сильно его доставали. Это Фёдора они бесили. Саша же относился к необходимости делать понимающий вид, соглашаясь с официальным пустословием, как к условиям участия в общей игре, в которую играли, не возмущаясь, люди поумнее и поопытнее него. Вся агитбригада была соглашательской. Хитрые разговорчики между собой, всё понимающие лица и внутренняя атмосфера – это одно, а проводимая линия по формальной партийной отчётности – другое. Понятно, что людишки отрывались на репетициях и в походах. Но под руководством комиссара. И концерты свои перед жителями глубинки начинали с обязательной политинформации.

Институт тоже весь был соглашательским. И далее, вширь и выше разливалось болото соглашателей, доверившихся правилам выживания в самой большой мировой корпорации. Подчиняться было удобно, но оказалось недалёковидно. Потому что когда слишком много

взявшие на себя управленцы, не сумев регламентировать всё и вся, проиграли, то, не устояв перед материальным соблазном, ничего из взятого другим не отдали.

Прав был Фёдор: дураки посчитали себя умными, приравнивали наивность к святости и вознамерились дожидаться царства божия в очередях...

Пока Саша плясал, Вадим изменился. Заделался затворником. Обзавёлся широкими блокнотами и строчил по их жёлтой бумаге косыми фиолетовыми строчками. А чаще сидел над своей писаниной в прострации, одолеваемый великими думами и печальями. Думы эти и скорби были ему не по силам, что читалось по глазам, погружённым в омут бесконечности. Нечёсанные волосы и выражение отрешённости, измельчённое мелкими чертами его лица, безоговорочно подтверждали этот вывод.

Саша в школе пробовал играть в водное поло, а в институте гонял шайбу на первенстве университета, получив в награду, как положено, выбитый передний зуб. Он имел возможность поиграть против сильных ребят и знал, как обманчиво представление о собственных силах.

Или взять агитбригаду – тоже там были свои таланты, явно выделяющиеся на общем фоне, но разве сравнишь их с профессиональными музыкантами, танцорами или поэтами?

А Вадим спортом не занимался. И плясать не плясал. И не представлял поэтому, как трудно стать мастером в любом деле. Начитался книжек, что они понаделали из толстых журналов, и решил, что может писать не хуже.

Осилив первый рассказ, он дал Саше его почитать. Сашухватило на пару страниц – не интересно, как знал.

Рассказ прочитала Вера Людских. Даже похвалила за что-то. Она его печатала, в трёх экземплярах. Вера одна растила дочку и подрабатывала машинописью. Печатала, правда, хуже, чем танцевала. Пяток ошибок на страницу, строчки неровные, буквы прыгают. Саша бы за такую работу ей не заплатил. Но Вадика она устроила. Его распирало от вида напечатанного текста. Куда-то он этот рассказ посылал. Без ответа, конечно.

Вадику, должно быть, теперь легко плодить тексты. Если он ещё занимается этой ерундой. А занимаются теперь многие. И откуда столько одержимых? Неужели наивно надеются заработать этим денег?

И вот информации всё больше. Всякой и разной. Может, и есть в ней что-то толковое. Но как его разглядеть в огромных мусорных кучах? Вот уж действительно: помоги нам, «дата майнинг»...

Даже их институт если взять. Сколько процентов толковых бумаг выходило из него в советские годы? Пять, десять? Тогда уже трудно было разобраться, что по делу, а что – нет. Теперь такой возможности точно нет.

Умны евреи – всегда найдут выход. Если не обманут, конечно. Что ж, «дата майнинг» так «дата майнинг». Посмотрим...

Пока Рылов вспоминал, лекция кончилась. Стецкого окружили знакомые, включая местные остатки агитбригады. Рылов тоже подошёл, пожал руку. «К Верке пойдёшь?» – спросил Стецкий. «Пойду», – ответил Рылов. Посмотреть в глаза не получилось – Фиму отвлекли со всех сторон, а рядышком терпеливо топтались высокопоставленные сопровождающие, дожидаясь удобной минутки утянуть гостя обратно в руководящие пределы.

2. Поиск истины

Вера Людских больше тридцати лет прожила в маленькой квартирке малосемейного общежития: комната – одиннадцать метров, кухня – четыре, прихожая – один. Квартиру она получила как молодой специалист и мама-одиночка и все эти годы относилась к ней как к главной своей драгоценности. У неё жар приливал к голове, стоило вспомнить, как она стояла на жилищной комиссии перед строгими мужчинами, которые требовали от неё понять, что есть другие, более достойные претенденты. Она понимала и хотела согласиться. И если бы не опешивший от неожиданного разворота событий добрый её начальник, тихоня Петр Николаевич, который громко вступился за неё, требуя справедливости, не видать бы ей этой квартирке, как своих ушей.

Вера приросла к своему уютному старому домику, мысленно представляла каждый сантиметр его пространства, могла на ощупь найти в нём любую вещь, и больше года наотрез отказывалась переезжать в огромную трёхкомнатную квартиру, купленную дочерью. Веру мало трогали разговоры дочери о невозможности приезжать к ней с мужем – не приезжайте, если не можете! – но вот угроза лишиться общения с внучкой подействовала. Пришлось уступить.

Уже с год, как произошло это судьбоносное событие, а свыкнуться с новым жильём у Веры не получается. Слишком для неё много метров, слишком высоки потолки, слишком непривычна блестящая отделка. И зачем ей душ и ванна отдельными кабинетами? И ещё отдельный санузел? И две тёмных кладовки, в которые нечего складывать?

Пространство большой квартиры томило Веру, поэтому всё свободное время она проводила на кухне и в спальне. В больших комнатах только смахивала пыль и закрывала в них двери, чтобы не слышать чудившийся оттуда гул. Не её это комнаты. Детей и внуков. Купили для себя – вот и пусть в них живут.

Давящее на Веру пространство отступало, когда к ней приходили подруги. Поэтому она была рада гостям и зазывала их. Все близкие знакомые и половина агитбригады из тех, кто рядом, уже давно у неё перебивали. И вот, наконец, у неё получилось задуманное с первых же дней новоселья – собрать у себя агитбригаду целиком!

В квартире горели все лампы. Двери в комнатах были настежь. Ничто не мешало яркому свету и суматошному движению гостей.

В самой большой комнате, у соединённых в ряд кожаного дивана с креслами, тахты и мягких стульев, стояли разной высоты столы, заставленные красивой посудой из стенки напротив, совершенно опустевшей и ошарашенной от такого беспредела. Все другие наличные стулья и табуретки были собраны здесь же, напротив; там же, на двух жёстких табуретках, лежала широкая толстая доска, оставшаяся после ремонта.

За столами было мест тридцать с лишком. Лишка, если ужаться, хватило бы и на непричастных. Рылова кольнуло обидой на жену, отказавшуюся пойти с ним. Как маленькая. Не нравится ей эта компания. Один раз только видела всех, на дне рождения Стецкого, в первый год, как они поженились, – и говорит, что хватило на всю жизнь.

Собравшийся народ уже поднял начальные тосты, но оживлялся слабо. Не хватало некоторых ключевых фигур. Жена Стецкого, например, всё ещё стояла в пробке.

Потихоньку развернулись застольные беседы. Рылов в них не участвовал. Как был в агитбригаде на вторых ролях, так там и остался. Впрочем, он не жалел, что пришёл. Показался сам. На народ посмотрел. Когда ещё доведётся повидать всю эту братию? Верка вон сияет, как молодая, – уже не зря они собрались! Ещё бы с Фимой по душам поговорить, когда того старички немного поотпустят, – совсем будет ладненько.

Утолив первый вечерний голод, Александр Владимирович выбрался из-за стола посмотреть стенгазеты с историческими чёрно-белыми фотографиями. Они висели в продолжении

комнаты, сооружённом на месте лоджии: поднятый на ступеньку пол, скошенные углы и широкое окно, как у рубки катера.

Какие забытые картинки.

«Девочки» на лыжах, в шерстяных шароварах и со знаменитыми лентами через плечо, – ах, бабоньки, вы из какой деревни?

Покойный Юзеф читает лекцию, облокотясь на трибуну. Неужели он в том же рабочем кителе, который дежурил на спинке его стула, прикрывая своего вышедшего якобы на минутку хозяина?

Стецкий, склонивший голову над баяном.

Поэт без бороды.

Ага, танцы пошли. Саша на заднем плане. Скачет молодым козлом.

Вот и отчётные фотографии, со зрителями. Дети с бабушками. Хлопают. Неужели на них ходило столько людей?

Все фотографии были весёленько обведены разноцветными волнистыми линиями, перемежались смешными стишками со смыслом – чувствовалась женская рука. То есть руки. Рылов мог даже ответить чьи, если бы его спросили. Борода, конечно, тоже поучаствовал. Как без поэта! Молодцы, ничего не скажешь.

Ого, как заголосили за столом! Прибыли старики Сонины. Вместе со Стецкой.

Ирине держали место во главе стола, рядом с именинницей и супругом. На расстоянии она не показалась Рылову постаревшей. Смоляные волосы, задорный смех, крупные белые зубы, поросшая чёрная родинка на правой щеке. Знакомый вопрошающий взгляд и готовые смешливые ответы на что угодно. Движения чётки, порывы страстные. Не красивое, но приятное лицо безошибочно отражает зрелый племенной колорит.

Тут взгляд Рылова словно наткнулся на другой, острый и горячий. Он невольно скосил глаза, остановившись на Ольге Кисловой. Ну, конечно, кому ещё ревниво следить за соперницей?

Ольга хорошо пела под гитару песни бардов, была душой компании и ценила получаемое внимание. Внимания к ней было бы больше, если бы не умная и острая на язычок Ирина Стецкая. Ирина не пела, но слух имела отменный и так умела себя поставить, держась в тени, что каждый доморощенный артист, включая Ольгу, ждал её одобрения. С Ольгой у них были вечные шуточки-пререкания вроде дружеской борьбы за лидерство. От пересмешек Ирина ловко уворачивалась, стоило им достичь злого уровня, милостиво разрешая Ольге считать себя главной.

Ольга была замужем за Мишей и мужней любимицей. Её волосатый не седеющий муж был таким же Мишей, как Ефим Моисеевич Ефимом Михайловичем. Жену Миша слушал так, как родители научили его слушаться жену-еврейку. По всему получалось, что ему удобно было считать оставившую себе девичью фамилию Ольгу еврейкой, что это один из главных камней в возведённом им семейном фундаменте. Он знал все песни, которые она пела. Стоило Ольге взять гитару, как Миша бросал все дела и разговоры и поддерживал тонкий мелодичный голос супруги своим грозным гулким пением. Возможно, Ольге сначала это не нравилось, но со временем она привыкла, а теперь, когда её голос слабел, даже командовала мужу, чтобы пел.

В этом застывшем развороте между русскими и евреями Ольга с Мишей никак не могли потрафить своему честолюбию. И знакомые у них были не те, кого хотели. И у самих никак не получалось жить побогаче.

Миша работал инженером на заводе. Ольга преподавала в музыкальном училище. Семье они тянулись за Стецкими, но не могли с ними соперничать. Стецкие имели московские корни и знакомства. Чего стоила одна их московская квартира в сталинском доме на улице Горького – наследство от деда, писавшего для Большого театра либретто советских произведений.

Откинувшись на стуле и наблюдая за компанией, Рылов словно просматривал старое кино. Последний раз он был на общем сборе лет десять назад, а такое впечатление, что вчера. Мало, что изменилось. Нет только некоторых действующих лиц. Зато те, кто есть, в своём репертуаре.

Фима Стецкий поиграл на аккордеоне, подражая деревенскому гармонисту.

Сонины выдали свой коронный танец под «Ландыши, белый букет...» Всё-таки классно маленький Сонин держит спину. Никто из присутствующих так не умеет. А сморщившаяся Сониная без усталости, как молодая, крутит юбкой и стучит каблучками. Туфли у неё похожи на обувь концертных времён. Неужели оттуда?

Женщины, нарядившись в концертный реквизит, сплясали цыганочку и гопака.

Борода задвинул поэму об имениннице.

Ира Стецкая уже со всеми посмеялась и собрала у себя «девочек», вещая за жизнь, которую лучше видно со столичных высот.

Кисловой нашли, наконец, гитару. Верный Миша, получив команду, наострил уши.

Ольга отъехала от стола, пробуя струны, и, подождав, когда собравшиеся около Стецкой перетекут в стан зрителей, негромко запела. Миша, вдохнув полной грудью, загудел за ней трубным голосом. Вечер перешёл в завершающую стадию.

Рылов пел со всеми, охваченный общей трогательной ностальгией по прошлому, – вернее, подпевал, трудно вспоминая слова. Когда попадалась совсем забытая песня, он мычал и смотрел, как поют другие. Эти люди, что здесь собрались, – как хорошо им в эту минуту, но ведь у каждого есть какие-то беды, нерешённые проблемы, глубоко спрятанные тайны. Что он знал о них, и что они знали о Саше, засидевшемся в холостяцком общежитии до тридцати двух лет?

Его избраннице было тридцать три. Она была хорошая, не гулящая женщина, не стеснявшаяся наговаривать на судьбу, уготовившую ей безбрачную долю, и с замиранием девичьего сердца ждущая свой последний шанс. Им стал Саша, а она стала шансом для него. На том и сошлись, в любви и уважении друг к другу, но и с набранными за долгое одиночество обидами.

Бог не дал им детей. Только так Рылов мог объяснить бесплодные обследования и объяснения врачей, разводящих руками. У них обоих всё было в порядке. Единственное, что могли сказать врачи — надо было жене рожать раньше.

Через три года бесплодных попыток родить самим, Рыловы взяли девочку из отказников. Славная девочка, ласковая. Росла как солнышко. А выросла – и тоже бездетная. Здоровая, аборт не делала. С замужеством не тянула. И вот уже Маша семь лет замужем, ей под тридцать, а внуков нет. Жена говорит, что это наказание им за грехи неведомых предков. Переживает, что зять от Маши загуляет и бросит её, родив на стороне.

– Привет, Сашок! – прервал невесёлые мысли Стецкий.

Фима уже давно пустился в путь вокруг стола, по очереди подсаживаясь поговорить со старыми друзьями. Александр Владимирович следил за его приближением, ждал, а всё равно в последний момент потерял из вида.

Стецкий отодвинул свободный стул, образовав угол со стеной, сел.

Рылов повернулся к нему, зеркально расположившись напротив и загородив широкой спиной Ольгу Кислову, старательно пощипывающую гитарные струны и в такт кивающую инструменту, и придвинувшихся к исполнительнице самых воодушевлённых подпевал.

– Заходил в университет, увидел там твои семинары-презентации по вычислительной математике. Мне понравилось, – негромко говорил Стецкий. – А потом узнал чудную новость. Владелец самого высокого индекса цитирования среди преподавателей факультета – доцент Рылов!

– Да ерунда всё, – смутился польщённый Рылов. – И доцент я уже бывший.

– Почему ерунда? Опять все врут, как ты всегда говоришь? Или считать не умеют?

– Как сказать? Главная причина – желание декана отличиться. Издать много новых учебных материалов. Они что придумали? Распечатали эти слайды, которые ты видел. Причём не по предметам даже, а по семестрам. Обернули корочками. У меня три предмета было. Два по два семестра, один – три. Вот тебе семь книжек в библиотеку. Да четыре потока студентов. Понятно, что все книжки всегда на руках. Там ведь образы, концентрат информации, самое необходимое, а не скучный текст учебников, в который надо вникать.

– Мысль про слайды мне пришла давно, – решил пооткровенничать Рылов. – Когда я подрабатывал в Гуманитарном университете. Там люди совсем не хотели учиться. Больше половины вообще не ходили на занятия. Зачем? Пусть преподаватели сами выкручиваются. Ну, я и оптимизировал, как мог. Вижу, что всё равно не слушают. Давал простые типовые задачи и основные формулы. Подходят после одного занятия два паренька. Говорят: «Александр Владимирович, вы третий раз одни и те же формулы на доске пишете. Не хотите перевести их на компьютер?» Сделал с их помощью первую презентацию. Наглядно. Хорошо. Не хотите слушать: не выпались, где-то работаете – не слушайте, делайте свои дела. Копируйте слайды и разбирайтесь сами. Что-то не поняли, придите, спросите. Ну и в аудитории стало легко. Готовиться к занятиям не нужно. Включил проектор, высвечивай слайды, читай, что там написано. Если кому-то интересно, можно прокомментировать.

– В каком-то смысле это мой «дата майнинг», – улыбнулся Рылов. – Как ты говорил на лекции, были взяты и представлены в наглядной форме практически полезные знания, которые легко объяснить.

Воодушевившийся Рылов осёкся, прочитав по глазам Стецкого скуку. Фима слушал его вполуха, из вежливости. Думает о чём-то своём. Витает в эмпиреях. А чего Рылов от него хотел? Сам только что думал про тайны и заботы, которые у каждого свои.

– Ты почему из университета ушёл? – спросил Стецкий, поддерживая замершую беседу.

– Хватит. Бесконечные отчёты. Оптимизация. Зарплата сам знаешь, какая. Со студентов за оценки я денег не беру. Когда подрабатывал в двух филиалах, ещё вроде был смысл работать. А когда из филиалов ушёл – нет.

– А почему ушёл? Дети не хотят учиться?

– Всякие есть. Всегда есть те, кто хотят. Их сразу видно. Но вот учить нам их не дают. Совсем стало тоскливо. Даже тройки запретили ставить. Один институт вообще перешёл на дистанционное образование. Практических занятий у ребят нет, а тесты писать приезжают. Понятно, что не напишут. А деньги-то за учёбу они заплатили. И получается, или сам решай задачки за студентов, или отвечай за срыв экзамена. Такая работа не по мне. Пускай другие крутятся, если смогут.

Почему Александр Владимирович решил объясниться перед Стецким? Не потому, чтобы Фима чего-то не знал. Всё он знал. Сам лет двадцать преподавал в том же университете. Сначала здесь стал профессором, потом постепенно перебрался в Москву. И ещё лет десять, пока не получил полную ставку в столичном университете, приезжал сюда на пару дней читать лекции. Дипломников вёл. И это Фима помог Рылову перейти на преподавательскую работу. Можно сказать, был его учителем. Как не объяснить, раз спрашивает?

Но не о том они говорили. Заботы, неизвестные заботы застилали Фимины глаза. Какие? На больного он не похож. А в душу не залезешь. И не надо. Рылов бы, например, не хотел, чтобы из него тянули жилы, расспрашивая о Машке.

Рылов решил попробовать прогнать Фимины грусть. У Стецкого ведь был законный повод похвалиться сыном. А какой еврей не встрепенётся в таком случае? Даже такой русский еврей, как Фима.

Лёнька Стецкий был Машиним ровесником. Один год они даже ходили в детский садик вместе. И была одна объединяющая ребяташек черта – неспособность к математике. То есть

хоть кол им на голове чеши – не хотят соображать и всё тут. Или не могут, чего ни Александр Владимирович, ни Ефим Моисеевич понять не могли по определению, говоря высоким математическим слогом. Рылов махнул на дочь в третьем классе, успев проникнуться мыслью, что невозможно больше так кричать и издеваться над бедным ребёнком. Высшее образование для Маши родители выбирали по приёмным экзаменам – подходило то, где не было математики. Хорошо, что успели проскочить до обязательного ЕГЭ.

А Фима тащил сына на тройках до второго курса института. Только тогда отпустил вожжи. Его можно было понять и как еврея, и как профессора – доктору физико-математических наук позор иметь неуча-сына. Александр Владимирович понимал его искренно. Стецкий это чувствовал и принимал доброе слово. Хотя, положив руку на сердце, не всегда Рылов был честен. Глубоко спрятавшаяся в Рылове гордыня могла вдруг проснуться и исподтишка уколоть: «Не было бы у Машки проблем с точными науками, будь она мне родной». И Александр Владимирович лукаво соглашался, не ставя себе в урок Фимин пример.

Так вот, Лёнька, этот еврейский позор на родительские головы, оказался автором сценария и актёром фильма, о котором говорят и который крутят по всей России. Подумать только. Видно, сыграли гены тёзки-деда. Пожалуй, Лёнька уел всех, включая родителей.

Рылов современное кино не любил, но Лёнькино посмотрел. Хороший фильм. Всем Рыловым понравился. Машка скачала его из Интернета и притащила в родительский дом, устроив семейный просмотр и вереща, когда на экране появлялся друг детства. Они все удивлялись, каким черным, заросшим и носатым стал Лёнька. «Коронным, породистым», – хотел сказать Александр Владимирович, но благоразумно промолчал.

Вопрос о сыне и кино был беспроектным. Глазки Фимы умаслились и оживились.

– Саша, ты же играл в хоккей! Скажи, как специалист: саму игру, катание на коньках, броски, энергетику борьбы как они сняли? На приемлемом уровне или примитивно?

– Честно говоря, не думал об этом, – пожал плечами Рылов. – Наверное, всегда какие-то ляпы можно найти. Но мой глаз не цеплялся. И потом, я не очень большой специалист. Один раз, правда, играл против мастеров, но об этом лучше не вспоминать.

– Главное, Фима, фильм не пустышка. Герои с харизмой. Показан их конфликт с системой. С обманом борются. За справедливость. Пара тренеров хорошо это обыгрывает. Один, трудяга и прямой малый, – за честный хоккей, второй, приспособленец, – за целесообразный.

– А Лёнька боялся, что зрители заметят разницу между дублёрами и главным героем. На коньках стоять его, конечно, научили, но играть, сам понимаешь... А в нескольких важных эпизодах без лица никак было не обойтись.

Стецкий налил в бокалы коньяку. Приятели чокнулись. Фима выпил, Рылов деликатно пригубил.

– И всё равно, хорошее дело губят ошибки. Неточности, – облизнувшись, продолжал Стецкий. – Я Лёне говорил, что наше поколение слишком хорошо помнит те игры с канадцами. Мы не против эффектов и приёмчиков, подтягивающих зрелищность до голливудского уровня. Но без обмана. Неправда коробит. Лёня говорит: «Папа, ты не понимаешь современное искусство». А какие родители и когда понимали и отделяли современное искусство от просто искусства? Я понимаю, что Лёня хотел сказать. Сейчас модно фантазировать. Красивая выдумка кажется лучше правды.

Фима допил свой бокал, подливать не стал.

– Помнишь эпизод, когда люди собрались у телевизоров смотреть первую игру в Канаде? Улицы опустели, все окна светятся. Одиноким тренер, которого уволили за непонимание линии партии, бродит по пустой футбольной коробке в тёмном дворе, переживая за ребят. Тишина гробовая. Из окон ни звука. Он понимает, что «горим», проигрываем. Тренерская душа болит. Как помочь команде? И тут он начинает задумчиво махать своей палочкой, как клюшкой. Будто бросает по воротам. Словно подсказывает, что нужно делать. Подсказки неведомыми путями

доходят на другой конец Земли, и обиженно молчащие дома, наконец, взрываются радостными криками: «Гол!». Тренер дальше кружит по площадке, снова размахивается и как будто бьёт по шайбе. «Гол!» – новая порция радостных криков.

– Лёня этой сценой гордится. Говорит, что связал центральный узел, соединивший разные сюжетные линии. Без этого действие разваливалось. Он долго мучился, пока не осенило, и обиделся, что я не оценил его находку. Молодёжи он может что угодно рассказывать. Молодёжь не видела и не любит анализировать – может поверить в тренерские танцы. Мы – нет. Для нас эти игры были значимыми событиями. Мы их хорошо помним. И знаем, что играли в Канаде ранним утром по московскому времени, а в Союзе хоккей показывали вечером, когда игра давно закончилась. Потому и показывали, что результат был известен.

– Ты слишком требователен, папаша, – не согласился Рылов. – Лёня просто сообразил, что большинство проглотит его красивую обманку. Потому что нас приучили к прямому эфиру. Мы уже забыли, как было раньше. Я вот не вспомнил. Только сейчас сообразил, с твоей подкачки.

Стецкий посмеялся, потирая волосатые руки, спросил:

– Скажи лучше, как твои дела? Внуков нянчите?

– Мы пока без внуков.

– Вот тебе на! Передай Марии, что дядя Фима недоволен молодыми. Пожили для себя, хватит.

Рылов обещал передать. Признаться, что у Маши проблемы, не хотелось.

– Ира как? – спросил он Стецкого в свою очередь. – В киношных делах? Или продолжает тебя соблазнять женским полом?

Про женский пол у Рылова вырвалось непроизвольно, от толкнувшего в голову старого банного рассказа.

Пока Стецкий не перебрался в Москву, они вместе, в компании, каждую неделю ходили в хорошую русскую баню. Года три назад, после долгого перерыва, приехавший к старенькой маме Стецкий, помня банный день, зашёл попариться и поговорить. В ублажённом телесном состоянии Рылов посочувствовал Фиме, лишившегося их любимой бани, и спросил, куда он ходит в столице. Фима ответил, что в общественные бани не ходит, а жена иногда вытаскивает его в сауну. Рассказал заодно, что Ирка снова учится, теперь на режиссёра документального кино, и в группе самая возрастная и притягивающая молодых.

А потом хитро сощурился и поделился, как она, не предупредив, притащила в сауну двух своих новых незамужних подруг. Заставила его на старости лет испытывать душевные муки от бесстыжего вида белокожих бестий, одной из которых не исполнилось и тридцати.

Улыбающийся Фима сказал, что так и не понял, чего Ирка хотела добиться.

То есть она несколько раз уже ругала свои года, говоря, что женщины раньше не переживали детородного возраста и не знали проблем несоответствия своих желаний и возможностей. И что Фиме её не понять, а лучше бы и полезнее для своего здоровья встречаться ему изредка с молодой женщиной. Такое впечатление, что Фимины желания и возможности совпадают, и что его возраст – детородный!

И вот то ли она решила проверить его реакцию, то ли отомстить за некоторые случайные нелестные оговорки, то ли действительно реализовать свою идею на практике.

Может быть, Стецкий и согласился бы попробовать сладкого, но как-то он не заметил соответствующего внимания девушек к своей персоне. Зато не знал, куда спрятать свои глаза.

Рассказчик Фима хороший. Нарисовал своё приключение такими сочными мазками, что не сложно было представить себя на его месте.

– Ирина Леонидовна сняла два фильма, – ответил Стецкий на вопрос про кино. – Один из них крутили на телевидении. Сейчас ничего не снимает, собирает материал. Ищет деньги,

которых нет. Но не переживает. Ты же знаешь: ей в любом деле важно доказать, что она может. Она считает, что уже доказала.

Разговор для Стецкого потихоньку потерял интерес. Запал от гордости за Лёньку пропал, глаза потухли, скрывая боль, с которой надо было жить.

Бедная мама сегодня опять плакала. Видеть её слёзы он больше не мог. И умоляющий взгляд тоже.

Фима теперь её последняя надежда: «Помоги брату!»

Бедная мама. Младший Ося – любимый сын. Она просит везти его в Германию или в Израиль. Здесь от него отказались врачи. А там добрые люди, они обещали ей попробовать спасти сына.

Бедная мама. Ей не нужна жизнь без сына. Она верит, что его можно спасти.

Глаза, полные слёз. Как он может сказать им правду?

Стецкий консультировался с лучшими специалистами. Ничего уже нельзя сделать для Оси. Все говорят одинаково: «Везите его в Европу, если есть деньги. Мы знаем, что там принимают и лечат безнадежных. Но мы не знаем никого из них, вернувшегося оттуда живым».

Ося, Ося! Такой талантливый, полный сил. Пять лет ему было, когда он пересказывал Фиме перед сном мидраши. Вчера Стецкий, насмотревшись маминых слёз, лёг спать и только закрыл глаза, как воочию предстали перед ним кудрявая Осина головка, пронзительный взгляд, и он услышал тонкий детский голос: «Когда человек спит, тело говорит *нешама*, что оно делало в течение дня; душа передает эти сведения *нефеш*, последний – ангелу, ангел – херувиму, херувим – серафиму, который делает доклад Богу. Бог сидит на херувиме и наблюдает, что творится в Его мире. А херувимы не имеют определённой формы, являясь то мужчинами, то женщинами, то духами и ангелами. Лицо херувима – отроческое. В херувиме нет ничего материального, он носим Богом, а не наоборот. А когда Иезекииль увидел около трона Божия человека, льва, быка и орла, то упросил Бога взять себе вместо быка херувима, чтобы не напоминать Ему о том, как евреи поклонялись тельцу».

Стецкий поморщился: доверчивость и непосредственность, трогавшие в маленьком брате, ушли от него к концу школы, сменившись замкнутостью и злобой.

Ося учился играючи, рано защитился, мог стать хорошим физиком, а успокоился ролью местечкового начальника и гонителя русских кадров, окружив себя соплеменниками, которые потом попили его кровь, требуя себе работы, когда она кончилась вместе с бюджетным финансированием.

Слишком он вник в священные тексты, дочитавшись до человеконенавистничества, и слишком быстро забыл детские мечты взлететь душой до херувима, чтобы рассмотреть его имена Тетраграмматон и Элохим, означающие милосердие и справедливость.

Стецкому стало тяжело разговаривать с братом. Рассуждения об их избранности ему были скучны, а насмешки над ним, связавшимся с агитбригадой гоев, обидны. Он больше доверял тестю, не меньше Оси читавшего в своё время те же сворачивающие разум книжки, а в 1945 году награждённого орденом «Красной звезды» за игру на скрипке в Красноармейском Ансамбле Клуба Проскуровской дивизии. Воспоминания о частых концертах в солдатских шароварах вблизи грохочущей передовой со временем слились для тестя в одно бесконечное выступление в трудных походных условиях, о котором он обязательно рассказывал, порасспросив перед этим о Фиминой самодеятельности. Отдав дань прошлому, тесть говорил: «Фима, русские достойны уважения. Единственное, чего они не выносят – лжи. В России можно многого добиться, если не держать за спиной кукиш. Приходится, правда, иногда потерпеть. Слишком подпорчена здесь наша репутация. Я жалею, что не сразу это понял. Земля, на которой мы с тобой живём, – грешно не звать её родиной. Желаю тебе понять это побыстрее».

И в самые трудные минуты, когда недалёкие люди обижали Стецкого, опасаясь его неправильного происхождения, – не доверяли, прижимали с защитой диссертации, не давали хорошую должность – Фима вспоминал слова тестя, терпел, и терпение оборачивалось наградой. Оглядывая теперь свою жизнь, он видел, что прожил её не зря – много в ней оказалось людей, которых он любил, и многие люди полюбили его.

Но теперь его грызла совесть за то, что он мало любил брата. И мамины слёзы были ему главным укором. И ничего уже нельзя изменить. Надо было помогать Осе раньше.

Оказавшись на улице, Рылов решил подышать свежим воздухом. Не только потому, что после длительного воздержания ему пришлось немного выпить, и алкоголь разгорячил тело. Но и чтобы собрать мысли, разбежавшиеся от переживаний за дочь, от Фиминой недосказанности и от разных обидных мелочей, начиная с отказа супруги составить ему компанию и заканчивая равнодушным отношением к нему старожиллов агитбригады.

Тёмными улицами Александр Владимирович выбрался на набережную, невольно славя бога за то, что теперь намного меньше шансов получить удар по голове, чем в голодные девятые годы. Вроде того, который получил будущий зять за свои кожаную куртку и шапку. Когда зять, подобранный на улице полураздетым, очнулся в больнице, ничего не помня о нападении, первые услышанные им слова от склонившегося размытого образа в белом халате были так похожи на современные заклинания либеральной телевизионной тусовки о славных свободных временах: «Ничего страшного, жить будете».

Полная жёлтая луна с видимыми пятнами тёмных морей сопровождала путь Рылова вдоль реки. Низкая, большая, как солнце, она словно шла перед ним по противоположному берегу, иногда скрываясь, полностью или частично, за отдельными высокими домами.

Постепенно лунный образ вошёл в сознание мужчины и переключил на себя его внимание, подсказывая, что полнолуние располагает людей уступить злу и соблазнам. Не зря в эту пору некоторые женщины проявляют качества ведьм, а некоторые мужчины – лихих злодеев.

В себе Александр Владимирович тоже не мог быть полностью уверен. Потому что Фима, баня и полная луна заставили вспомнить давнюю, укором висевшую на его душе историю о пропавшем костюме.

Он пошёл в баню в новом чёрном костюме, богато переливавшимся на свету серебром, потому что жена уехала на неделю к маме. Целый месяц перед отъездом она так допекала его своими переживаниями, похожими на переживания Иры Стецкой, что разворошила в нём давнее желание зайти при случае, просто так, к хорошей одинокой женщине, вроде бы его зазывавшей. И он почти поддался этому соблазну, одев костюм, в котором мог покрасоваться.

И вот этот замечательный костюм пропал, а он стоял, как дурак, смотря на трусы, майку, полотенце и мокрую простыню, которые составляли теперь всю его одежду, и слушая сочувственные разговоры собравшихся рядом с ним приятелей.

В бане были только приятели и знакомые, примелькавшиеся за долгие годы. Никто из них не мог быть вором. И вроде бы никто не видел забегавших чужаков. А костюм исчез.

«Чудак-человек!» – открыл ему глаза один из банных кряжей, выведавший причину появления в бане костюма. – «Такие кражи происходят по наводке. Ты думаешь, жена уехала и пустила всё на самотёк?»

Происшествие обсудили за пивом. Досталось и ворам, и простакам.

Потом добрые люди вызвали ему такси, и, обернувшись полотенцем и осмелев от выпитого, он всё-таки поехал в гости, подмигивая по пути огромной полной луне.

В полотенце его приняли лучше, чем в костюме. И вроде бы женщина ему понравилась. Но когда угар бесшабашной смелости прошёл, на душе Рылова стало нехорошо. И костюма ему

было жалко, и за себя стыдно. И за вора почему-то тоже было стыдно, как за себя. И за соблазвившую его ласковую женщину. И за банные откровения. И за то, что теперь он не мог узнать у жены, правда ли то, что возвёл на неё приятель, или нет.

Так и осталась эта кража стыдным пятном в его душе и одной из болячек за себя и за всё человечество, вдруг схватывавших сердце Рылова в редкие пронзительные минуты, вроде случившейся сейчас, когда он запнулся и остановился на полпути.

Луна, за которой он наблюдал, остановилась вместе с ним.

За то время, пока Рылов шёл, она немного поднялась над горизонтом и застыла теперь над двумя перевёрнутыми в небо золочёными луковицами.

Ему показалось, что тонкая белая колокольня и приземистая белая церковь на другом берегу, красиво подсвеченные прожекторами, словно поддерживали или удерживали своими крестами жёлтого небожителя, манящего людей отражённым светом. Почему-то они представились Рылову так, как он никогда не думал, – символами мужского и женского начал, противостоящих соблазну.

Церковь в это время должна была быть пуста, но он думал, что в ней поют, – не очень музыкально, как в той церкви, куда водила его бабушка в детстве, – и, если прислушаться к ночной тишине, то можно даже разобрать в ней «иже херувимы» голосом актёра Пуговкина.

А в окружающей храм темноте ему чудились пространства клубящейся тьмы, пытающиеся прошелестеть странные слова «дата майнинг», которые сегодня он слышал от Стецкого.

Рылов дождался, когда луна ещё немного поднялась над землёй и сдвинулась влево от колокольни, осветив пустырь. На душе понемногу отлегло, и он продолжил путь, радуясь скорой встрече с наверняка задремавшей на диване супругой и загадав, что у него будет ещё время додумать и о «дата майнинг», и об уготованных людям соблазнах.

29 ноября 2015 года

ЛИК БУНТУЮЩИЙ. «КОБа»

Повесть

Внешне улыбчивый Фёдор Канцев бунтует, видя вокруг мало любви. Больше всего на свете он бы хотел, чтобы все люди всегда радовались жизни. Самые грустные, несчастные – улыбнитесь хотя бы раз, и Фёдор полюбит вас за эту улыбку всей силой своей души. Но так не получается, и мятущаяся его душа ищет, почему.

Тема проповедников и загадка «Пророка» наделяют бунт Канцева высшими смыслами. Обострение болезни не оставляет возможности вложить открытия в собственную жизнь.

*Во глубине небес необозримой
В сиянии и славе нестерпимой
Тьмы ангелов волнуются, кипят,
Бесчисленны летают серафимы,
Струнами арф бряцают херувимы,
Архангелы в безмолвии сидят,
Главы закрыв лазурными крылами, —
И, яркими одеян облаками,
Предвечного стоит пред ними трон.*

А. С. Пушкин

1. Фёдор Викторович

Подрастерявший густую шевелюру, коротко стриженный Фёдор Канцев лучился, улыбаясь во все стороны лбом, глазами, ртом и даже порозовевшими аккуратными ушами.

– Фёдор! Заждались мы тебя, честное слово! Ах, красавец! Здорово выглядишь! Вот, что значит сибиряк! Ничем вас не проймёшь!

Он не ожидал такой тёплой встречи. Какие простые хорошие люди попадаются ему по жизни! Сколько он тут проработал? Всего ничего, три года, а словно прирос, – и к нему привыкли, как к своему.

Сестрички в диспансере, коловшие ему лекарства, – такие тоже умнички! Он немного волновался, как девчонки примут подарки на 8-ое Марта, а всё получилось так естественно, и так хорошо они посидели потом втроем, за ширмочкой и с бутылочкой, как старые добрые друзья, не чувствуя разницы в возрасте, что душа прямо пела, когда вечером возвращался из больнички домой. Он жадно хватал воздух, остро пахнувший ранней весной, и, как пацан, завидовал неизвестным ребятам, которых любят улыбчивые озорницы в белых халатах с открытыми миру глазами.

Как бы хотелось Канцеву, чтобы все люди всегда радовались жизни! Самые грустные, несчастные – улыбнитесь хотя бы раз, и Фёдор полюбит вас за эту улыбку всей силой своей души! Только и надо ему, чтобы полюбить, – увидеть пусть даже нечаянную, мимолётную, но искреннюю радость.

Беспричинная вроде бы грусть, изрядное время донимавшая Канцева, пока отступила. Жизнь Фёдора Викторовича приобрела желанную определённость, с которой можно было смотреть на мир привычным манером, хотя радоваться ему особо было нечему.

Он болел. Болезнь не отступала. С тех пор, когда бугай врач, пересмешник и оптимист не меньший Канцева, увидев сочащуюся кровью кожу на спине пациента, ласково похлопал его по плечу: «Наш клиент!» – Канцева успели и прооперировать, и загрузить двумя курсами химиотерапии, и не исключали возможность третьего.

Третьей химии ему не хотелось. Первая прошла на «ура». Можно сказать, пролетела. А вот следующая далась тяжело. Похоже, отравили Фёдора лекарствами через край. И всё равно уклончиво отвечают о будущем.

Скоро идти на очередное обследование. Что-то оно покажет? Неужели продолжат колоть? Хотя бы дали маленько передохнуть.

И сколько ему осталось, если ремиссии не будет? Молчат. Спасибо, толстяк доктор, с которым у них сразу установился контакт, не стал врать: «У тебя тот случай, когда здоровый организм нам только вредит. Если он и дальше будет упрямяться, рассчитывай на год-полтора. Поэтому незаконченные дела и вопросы не откладывай. Постарайся, по возможности, не иметь хвостов. Но не забывай, что это только один из возможных исходов. А мы с тобой оптимисты и будем стремиться к лучшему. Поддержка у нас есть – твоё желание жить. Поэтому бороться надо. Верить надо. Без надежды тоже никак».

Радушная встреча вызвала неожиданный прилив сил, которые Канцеву быстрее хотелось потратить на полезное дело.

– Георгий, никто без меня станков не касался? – спросил он белобрысого молодого человека лет тридцати, уверенно расправившего широкие плечи чуть позади обступивших Канцева работающих пенсионеров.

– Никто, Фёдор Викторович. Стенда мы тоже не касались. Вас ждём.

– Молодцы, что дождались. Ты на площадку сегодня поедешь? Возьми меня с собой, – попросил Канцев.

От конторы до площадки было километров пять. Можно было и прогуляться, как часто любил Фёдор. Но слишком хорошо было на улице. Ветер стих. Солнышко подмигивало из-за белых облачков. Птички пели. Берёзки пустили зелёные листочки. Засидевшись в четырёх стенах, Канцев чувствовал, что вольная прогулка сегодня могла затянуться. А времени терять ему не хотелось. Очень быстро оно стало утекать. Как вода из рук.

Рассудительный Георгий, придерживая руль одной рукой, медленно рассказывал, что изменилось с тех пор, как Канцев ушёл на больничный.

– Все ваши маленькие станки тоже снесли в большую комнату. Там небольшой ремонт. На пол бросили новый линолеум. Пластиковую «вагонку» купили – мужики решили обшить ею комнату в полстены. А верх пускай светлый остаётся. В принципе, красиво должно получиться.

– Теперь тот станок, который мы на станину укрепили и выровняли, как памятник смотрится. Он нам действительно пригодится?

– Если придётся делать серьёзный механизм вращения, лишним не будет. Это же, Георгий, из последнего поколения советских станков. Нулевой класс точности. Такие у нас не скоро опять научатся делать. А его на металлолом хотели пустить! Понятно, что этим дуракам, у которых я его увёл, он не нужен. Им место нужно под склад. Разве поймут, что раньше не станок в ангаре ставили, а ангар вокруг станка возводили? Интересно, сколько в городе ещё осталось станков такого класса? Я не удивлюсь, если ни одного.

– А новый барабан долго надо делать? – спросил Георгий.

– Сделается. У нас всё есть. Материал есть. Оснастка тоже.

Хороший Жора парень, ответственный. Из тех, кто стремится сделать, а не имитировать работу. Есть ещё маленький Вова Морозов, Жорин ровесник, и Львович с Петровичем на площадке – радисты советской закалки. Есть Олег из отставников – этот ни в чём не специалист, но ни от какой работы не отказывается. И есть не жадный начальник, Кузьмич, немного тугодумный, что часто помогает ему избежать скоропалительных решений.

Поначалу на новом месте Канцев прибивался к радистам, благо образование позволяло, но оказалось, что его знания и умения ограничились уровнем старых ламповых устройств. Конечно, и такие ещё работали, но ориентация на них означала быть на вторых ролях, что Канцева никогда не устраивало. А современная сверхвысокочастотная техника здорово ушла вперёд. Компактная, мощная, на твердотельных элементах. Чипы. Контроллеры. Компьютеры. Догонять Фёдору было трудно. С наскака, во всяком случае, у него не вышло. Если бы он был моложе. Или было бы время влезать в эту область постепенно, как получилось у Львовича и Петровича. Да молодёжь помогала в плане необходимой компьютерной грамотности. В общем, одни «если» и «кабы».

Писать отчёты с молодёжью было, на первый взгляд, проще. Но и тут для него были белые пятна. Обработку экспериментальных данных он освоил, но компьютерное моделирование без навыков и быстрой реакции на непонятное было для него уже сложновато. То и дело приходилось перекладывать часть работы на других, а это тоже не дело.

Канцев давно не работал в бюджетной организации, и никак не мог привыкнуть к смеси имевшегося здесь допотопного и отжившего своё оборудования с дорогушим высокотехнологичным, на котором можно получать результаты мирового уровня. И к сборке людей, безынициативных в основной массе, доходящих до пенсии или ради приработка, с единицами, стремящимися, способными и обеспечивающими получение полезных результатов, оправдывающих общую работу. И даже к стенам, в которых приходится работать, он не мог привыкнуть. Фасады зданий, приёмные, кабинеты руководства, бухгалтеров и прочих приближённых были показушно чистыми, а на ремонт производственных помещений скупилась. Крыши текли, деревянные оконные рамы прогнили, каблуки цеплялись за исхоженный до заноз неровный паркет и дыры в линолеуме. Современный измерительный стенд был устроен в пустом здании бывшей казармы. Новенькие приборы на миллионы рублей, добытые без денег, скромно

прижались линейкой к единственной свежеекрашенной стене, удивлённо взирая на длинные некрашенные скрипучие половицы, давным-давно белённый потолок и дребезжащие оконные стёкла с трещинами, заклеенными скотчем.

В комнате со стендом Канцев прилаживал к потолку механизм вращения – полый барабан на штыре с шаговым электрическим двигателем и горизонтальными металлическими прутьями для подвеса объектов. Это была его идея и его разработка. Изготовление механизма практически ничего не стоило. Делал всё сам. Копеечные общественные деньги потратили только на электродвигатель из магазина для «самоделкиных» и пару железных листов.

С механизмом вращения стенд заработал настолько успешно, что скоро вместо маленьких объектов народ захотел исследовать большие и тяжёлые. Понятно, что из-за малой мощности двигателя при вращении появились маятниковые эффекты, а потом и центровку механизма нарушили, погнули барабан. Но всё это можно было поправить. Канцев знает, как, уже продумал. А ещё он в очередной раз убедился, что как ни усложняй и автоматизируй, а всегда приходит нужда придумать и приложить свои руки, чтобы всё это сложное и автоматизированное применить на деле. И тут Фёдор Викторович в своей стихии. Это начальнику или Георгию с радистами переделка механизма представляется сложной. Ему – нет. Времени бы только хватило – вот, что важно.

Надо, пожалуй, перебираться на площадку. С бумагомаранием справятся без него. Его место тут, у станков. Кузьмич поймёт.

– Фёдор Викторович, а лечились как? – Георгий отвлék Канцева от согревшего душу чувства собственного достоинства. – В больнице лежали?

– Одну неделю лежал. А потом ходил неделю через неделю. Неделю на дневном стационаре качали лекарства в вену. Потом неделю отлёживался дома. И так по кругу. Под конец так накачали всякой гадостью, что не мог сообразить, сколько этих кругов было. Всё по инерции делал. Ходил как зомби. Вместо работы припёрся на вливания. «Фёдор Викторович, ты чего, забыл? Тебе больничный уже закрыли». Стою, как дурак. То ли забыл, то ли не понял.

– Ослабли, наверное, – понимающе кивнул Георгий.

– Да не то, чтобы ослаб, – аппетит был, кушал хорошо. А гуд в ушах поселился. Слышу всё, как далёкое и не моё. И в глазах то красненькое, то белое плывёт. Честно скажу, в этот раз лечение мне не понравилось.

– Кому такое понравится? Будем надеяться, что Вас вылечили.

– Я тоже надеюсь, Георгий. Посмотрим. Как бог даст.

2. Прав или нет?

Настроение созидательного подъёма, не покидавшее Канцева весь рабочий день, после приготовленного своими руками сытного ужина в любимой квартирке растормошило его с новой силой.

В бессчётный раз осмотрел он своё жилище и порадовался ему.

У окна, в полированных шкафчиках и книжных полках за стеклом красовались модели самолётов и кораблей. У противоположной стены, отделяющей комнату от кухни, стояли журнальный столик с двумя стопками бумаг и обтянутые красной тканью кресла. Наверху, на самодельных антресолях – его гордости – в разных выдвижных и удобно раскрывающихся ящичках дожидались своего часа полусобранные и несобранные модели в коробках, лежали бутылочки с лаками и красками, куски дерева и деревянные детальки, нужные железки, наборы свёрл по дереву и железу, хитрые ножички, стамесочки с прямыми и кривыми резцами, крошечные винтики, оси, колёсики, палочки, ниточки и разные другие мелочи, без которых как без рук. Под книжными полками, на двух столах с массивными дубовыми столешницами лежал чёрный ноутбук и стояли маленькие, как игрушечные, токарный, фрезерный и шлифовальный станки и маленький верстачок. На ближнем к окну крае столов укрепился надёжно прикрученный верстак побольше, на дальнем – грустно склонила чёрную голову настольная лампа с длинной металлической рукой на трёх шарнирах. Над столами к стене были прилажены две белые лампы дневного света, а рядом, на крючочках, висели две шапки сварщика с увеличительным стеклом, похожие на рыцарский шлем с забралом. Дешёвая турецкая люстра с витыми энергосберегающими лампами в трёх рожках освещала квадратную часть комнаты жёлтым светом. На вытянутый в глубину аппендикс света не доставало. Там, в полусумраке, стояли советских времён трёхстворчатый платяной шкаф темной полировки и, напротив него, – грустная софа с потёртыми подушками краснокирпичного цвета.

Всё в комнате лежало и стояло на своих местах. Не было ничего лишнего. Канцеву очень это нравилось.

Из первоочередных, остановленных болезнью дел у него были изготовление мастер-модели советского транспортного самолёта времён войны и сборка модели американского ракетного катера из магазинного набора в красочной картонной коробке. Первое – на продажу, второе – для души.

Недоделанные модели пылились на крышках книжных полок. Фюзеляж и крылья самолёта были обточены и отшлифованы. Осталась самая мелкая работа: кабина с креслами пилотов, окошки, заднее оперение, закрылки, элероны и прочая механизация на крошечных штифтах. У катера он и до мелочёвки не добрался: склеенный полуостов корпуса лежал в открытой коробке на боку, придавив пакетики с пластиковыми детальками и крепежом.

Катер мог подождать. Так же, как и два миноносца времён русско-японской войны в не распакованных коробках. Эти модели были из купленных фабричных наборов, разработанных на основе изготовленных им мастер-моделей, и клеились для себя, по старой привычке сохранять напоминание о том, что он сотворил.

Самолёт бы неплохо поскорее доделать – его ждут, а деньги Канцеву нужны: остатки сбережений потихоньку утекают, получки давно нет, денег за больничный хватит только на хлеб и коммуналку.

Мастер-модели Канцева в Москве покупали от трёхсот до пятисот долларов за штуку. За редкий образец могли заплатить до двух раз больше, но таких ему не заказывали уже лет десять. Это когда-то, в середине девяностых, каждая вторая модель была редкой.

Особенно выгодным для Фёдора Канцева стал период перед обвалом рубля в 1998-ом году. За два года он сделал и продал семь редких моделей.

Тогда он работал днём и ночью – зарабатывал на квартиру, надо было разъезжаться с женой. Они развелись, когда младшая дочь вслед за старшей вышла замуж, и два года после развода продолжали жить вместе в приватизированной на четверых трёхкомнатной квартире. Бывшая жена истерила, отказывалась от размена, взывая к совести и ссылаясь на ущемление интересов детей.

Фёдор не думал, что супруга окажется такой неприспособленной к переменам. Когда он спокойно обдумывал потом в одиночестве их совместную жизнь, у него получалось, что они смогли бы дожить вместе до старости, не случись в мире переворота ценностей. Но раз он случился, то надо было выживать вместе и учиться зарабатывать вместе. Жена тоже должна была вносить свой посильный вклад в спасение семьи, а не ходить сонной тетерей, не верить голубому глазу телевизора и не ждать, когда всё образуется обратно, в старое бытие с гарантиями существования. Зачем она ходила на работу, где не собирались возвращать долги по зарплате? Почему не умела стать экономной хозяйкой? Почему денег, которые приносил ей Фёдор, никогда не хватало?

Зря матушка научила его отдавать супруге весь заработок. Понятно, что мать равнялась на женскую мудрость, но в невестке она ошиблась.

Последней каплей, убившей в Фёдоре остатки уважения к жене, стало её ротозейство. И какого рожна она потащила на рынок со всеми деньгами?

В один день он продал свою первую модель и получил получку за два месяца. Все доллары и рубли отдал вечером жене и поддался глядящим на него восторженным глазам и мурлыканью про шубу, которую она теперь могла купить.

Когда супруга вернулась с рынка без кошелька, упав рыдать ничком на диване, Фёдор никак не мог взять в толк, зачем она брала с собой крупные деньги, если сказала, что идёт просто смотреть, и зачем взяла всё, что у них было?

Выплакавшись, она сказала, что у них нет ни копейки, и он должен найти денег до получки. Потому что муж обязан кормить жену и детей.

Муж, который заработал кучу денег и надеялся, что вопрос с кормёжкой на время точно закрыт. Должен кормить жену, которая денег в дом не приносила, а то, что принёс он, – профукала. И должен кормить дочерей, одна из которых тоже работала и была замужем, а вторая получала стипендию и крутила роман, приходя домой только переночевать.

Они крепко поругались, после чего развод был делом решённым.

Наверное, Канцев тогда и лишнего наговорил. Потому что потом ему приснился их разговор, и во сне он видел свой беззвучно раскрывающийся рот, который подпитывался пламенем праведного гнева от совершающейся несправедливости, а под этим пламенем, в неведомых нутряных глубинах клубились чёрные облака дыма, от которого Фёдор задыхался.

Если в пылу их разборок жену распаяло нечто подобное виденному им во сне, то причина обрушенных на него злых и смертельно обидных слов становилась понятной.

Но сон сном, а явь – явью. О примирении не могло быть и речи. Они развелись и долго мучили себя от продолжающегося совместного сосуществования. Канцеву казалось, что бывшая супруга специально вертится на кухне, чтобы он не мог приготовить себе еду, а когда у него нужда, нарочно занимает совмещённый санузел. Не удивительно, если она про него думала похоже. Во всяком случае, каждый день приходилось слушать доносящиеся из соседней комнаты женские причитания о том, что он решил известить мать своих детей запахами краски и лаков и шуршанием ночных работ, от которого невозможно заснуть и приходится мучиться головными болями.

Потом случилось общее несчастье обвала рубля, в мутном кручении которого цены на жильё в долларах упали раза в два, и однокомнатная квартира в новом кирпичном доме стала стоить как пять его мастер-моделей. У бережливого Канцева нужная сумма была, и жилищный вопрос надолго потерял для него актуальность.

Он частенько вспоминал о той удачной покупке. Сегодня квартиры улетели в цене вверх раз в шесть, а за модели он выручает в три раза меньше. Это если ещё считать корабли, которые идут долларов на сто дороже самолётов. Получается, что за его квартиру надо отдать 90 моделей! С учетом того, что больше двух заказов в год у него теперь не бывает. Скоро не будет совсем. Компьютеры и 3D-принтеры добьют мастеров.

Да, если бы та лафа конца 90-ых годов продолжалась до сих пор, не было бы у него нужды искать работу на стороне и брать ипотеку.

И не пришлось бы напрягать бывшую супругу с его долей в приватизированной квартире.

Канцев знал, что в этой истории бесспорно прав, но почему-то продолжал проверять свою правду по отношению к ней разных людей.

Сегодня он встрял с ней в беседу озабоченной жильём молодёжи.

После обеда четверо «конторских»: Фёдор, Георгий, подтянувшийся на площадку прыщавый маленький Вова и рассудительный плосколицый Олег, знавший, что над ним посмеиваются за шепетильность и методичность все, кроме Канцева, – устроились на скамеечках против трёхэтажного корпуса бывшей казармы.

Скамеечки стояли на полянке, разделявшей аллею переросших здание могучих серых тополей и толстых белых берёз, вдоль которых залетавшие на измерения командированные чудаки-москвичи однажды собрали себе на жарёху «тополёвики», как они назвали якобы съедобные грибы цвета родительской коры, который только и отличал их от поганок. Странные люди. Не захотели отойти на сто метров к лесочку, где можно было набрать пусть влажных, зато надёжных подберёзовиков.

От ветра со стороны вытянувшегося вдоль перелеска болотистого поля скамеечки закрывала позиция со старыми кунгами защитного зелёного цвета, новыми серебристыми контейнерами с аппаратурой и похожей на длинный забор металлической конструкцией с заботливо уложенными рядами снизу вверх толстыми и тонкими кабелями питания и обмена данными.

Фёдор слушал, как ворчливо шелестят молодыми листочками тополя и берёзы, переживающие за скрывшееся в кучевых облаках солнце, смотрел на молчаливо соглашающуюся с ними выбеленную временем асфальтовую дорожку, отделяющую здание от позиции, и крамольно думал о том, что вместо покорения больших пространств ему всё больше нравятся уединённые уголки на земле, а поговорить – с теми, кто способен и стремится сотворить хоть что-то полезное. В эти минуты были выполнены оба эти условия.

Он встрял в разговор, когда Георгий рассказал Воле о новых ставках за ипотеку. Даже с учётом государственной поддержки проценты на кредит увеличились, как и предполагал год назад Канцев, успевший взять ссуду под восемь процентов годовых. Молодёжь оценила его хватку. Польщённое самолюбие подтолкнуло его поделиться своими задумками, а заодно ещё раз проверить, достойно ли он обошёлся с супругой.

– Младшая дочь готовилась родить второго ребёнка, – внучка, как оказалось, – начал Канцев в давно выбранной им манере ироничного, подсмеивающегося над собой рассказчика. – Надо было помочь ей поменять квартиру на большую.

– До вас я работал на Жемченко, – отступил он. – Три раза нанимался к нему и три раза увольнялся. Когда дочь собралась рожать, уволился окончательно и сидел без денег. Заначка у меня была, но не на квартиру. У дочери был только материнский капитал. И тут, до сих пор не знаю, кстати или нет, нашлись добрые люди, подсказавшие мне, что у жены появился хахаль на иномарке, которого они много раз видели в трусах на лоджии.

– Представил я себе мужика, гуляющего в нашей общей квартире в трусах, и дочь, которой предстоит ютиться вчетвером в «однушке», если ничего не предпринять, и решил продать жене свою долю квартиры. Моя четверть, отданная чуть дешевле рыночной цены, решала проблему дочери.

– Мне казалось, что я не встречу особых возражений. В конце концов, собственность моя, вы ею десять лет пользовались, будьте добры заплатить, если хотите пользоваться дальше. Нет денег – возьмите кредит. Не хотите – тогда эту квартиру продаём, берём другую, поменьше. Главное, я не беру деньги себе. Они остаются в семье. Идут на квартиру дочери. Справедливо?

Канцев пытливо оглядел коллег, дополнительно убеждая их взглядом в своей правоте.

– Ну вот, а та сторона посчитала, что я не прав, – продолжал он. – Чего только я не услышал о своей бессовестной персоне. Мать накачала старшую дочь. Та говорит: «Папа, это нечестно. Почему ты только Алёне помогаешь? Раздели свою долю поровну». – «Тебе жить втроём в хорошей двухкомнатной квартире честно, а Алёне в такой же вчетвером не честно?» Старшая дочь у меня вылитая мать. Ждёт, что всё у неё должно как-то образовываться само собой, без прикладывания усилий. Лентяи люди. Я таких не люблю. Алёна на них не похожа. Она творческий человек. Не может сидеть без дела. И шьёт, и вяжет. Сидела в декрете – работала сайт для мамочек. Можно сказать, работала. Месячный доход у неё был как моя полочка.

Фёдор Викторович еле остановил себя, чтобы не признаться собравшимся, что и в них видит творческих личностей, поэтому откровенен.

С Георгием он написал три отчёта. Вовка один закрывал за всех математическое моделирование. И даже Олег молодец. Над ним смеялись боявшиеся взяться за новое. Олег не боялся. Да, он тугодум. Ему трудно. Но он потихоньку ковыряется себе и ковыряется, пока не разберётся. Ни переспросить лишний раз не стесняется, ни показать, что много не понимает. И от его методичности, последовательности и упёртости есть толк, пусть даже небольшой. А вот от посмеивающихся над ним умников пользы практически никакой.

Очень хотелось Канцеву отвлечься, чтобы похвалить своих слушателей, и уже рот он раскрыл, но в последний миг передумал и стал рассказывать дальше.

– Потом к нашим разборкам подключился её мужик. Наглый, два раза с ним беседовал, оба раза чуть не подрались. Вывел меня на лестничную площадку: «Ты не мужчина, пользуешься женской слабостью». – «Если кто пользуется, то это ты. Если считаешь себя мужчиной, помоги своей женщине. Она ведь не моя женщина, а твоя. Одет ты лучше меня, гонору выше крыши – значит, денежки водятся. И квартира у тебя наверняка есть». – «Была! Квартиру я оставил семье!» – «Машина у тебя дорогая. Продай, возьми попроще».

– В общем, никто и ни в какую не уступает. Доводы не действуют. Нет, и всё. Я разозлился. Пошёл к знакомому по старой работе адвокату. Он посоветовал пригрозить жене продажей моей доли гастарбайтерам. Объяснить, что её ждёт, если к ней заселятся люди гор или пустынь.

– Сильно меня злость тогда разобрала. Я даже хотел устроить жене выход по-плохому. Но она всё поняла и струсила. И деньги сразу нашла. На следующий день. Чего два месяца выносила мне мозг?

– А зачем ты взял ипотеку? – спросил Олег. – Опять для Алёны?

– Для себя. У Алёны всё получилось. Квартиру они купили. Но потом решили перебраться в Питер. Работы там больше. Зятя позвал товарищ, обещал пристроить в строительный бизнес. Продали квартиру здесь, купили там с небольшой доплатой. Хватило триста тысяч, за которые Алёна продала свой сайт. Я к ним ездил два раза, до болезни. Квартира не в городе, в загородном микрорайоне. Но до Невского проспекта на машине сорок минут.

– В общем, они переехали, а без них мне скучно. Я уже к внучку привязался. Он ко мне тоже: «Деда, деда». Толковый парень. Подарил ему радиоуправляемый вертолёт, один вечер поиграл вместе с ним, так он сам теперь его запускает и аккуратно сажает. Пытался что-то вырезать за мной.

– Со старшей дочерью после истории с квартирой я поругался. Мужик у неё тоже ни рыба, ни мясо. А у Алёны мне все всегда рады. С ними есть о чём поговорить. Внука хочется

чаще видеть. И денежки у меня снова подкопились, как начал у вас работать. Надо было их вложить, пока инфляция не съела. Вот я и подумал про Питер. Давно он меня манил, а тут просто всё к этому складывается. Куплю там угол. Буду приезжать, останавливаться у себя, чтобы Алёну не стеснять. У них всё-таки не хоромы.

– Алёна поняла меня с полуслова. Нашла комнату – что значит папина дочь! Хорошая комната. В центре. На канале, во дворе. Дом старый, снаружи неказист, но комната большая, светлая, после ремонта. Вложил в неё, что накопил, плюс кредит. Пока её сдаю Алёнкиной подружке, чтобы расплатиться с ипотекой. К пенсии как раз расплачусь, даже раньше. Будут у меня свои дома здесь и там.

– А теперь скажите мне, товарищи, прав я был, когда требовал от жены денег? Что скажешь, Георгий? И ты, Володя? Олег?

Георгий и Вова сказали, что Канцев прав.

Поживший на свете Олег ответил уклончиво:

– Я не знаю, как бы поступил на твоём месте. С одной стороны, твоя правда. С другой, твою жену тоже можно понять. Она уже не молода. Устроила жизнь, как может. Вашу квартиру давно посчитала своей, потому что в ней живёт. А к своему дому женщины прирастают. Нашу общую игру с так называемой собственностью я вообще не признаю – чёртов крючок, на который всех подцепили юристы.

– Ты помирись со своими женщинами, – добавил Олег, когда они поднялись и пошли работать. – Время прошло. Все поостыли. Расскажи им, что болеешь. Пожалей их. И они тебя пожалеют, не бросят в беде. Помирись, Фёдор, полегчает!

– Ни за что, – отрезал Канцев. – Тебе, Олег, меня не понять. Так, как меня, тебя не обижали.

3. Проповедники

Сколько бы раз не убеждал себя Канцев в собственной правоте и невозможности простить жену, вслух желавшую ему смерти, а всё равно её было жалко. Она была неиспорченной, чистой женщиной, когда он её взял, довольно грубо в первый раз, а потом привязал к себе. Лучше и нежнее её у него не было. Иначе он бы не женился, не родил с ней дочерей и не помнил бы до сих пор, как они ладили поначалу.

Фёдор мужественно прогнал готовые нахлынуть воспоминания, сумел вернуться к радостному созерцанию своего жилья, но уже не собирался занять руки работой, требующей полного сосредоточения и выверенных движений. Он решил ограничиться напряжением мозговых извилин, посвятив вечер другому своему увлечению, по которому соскучился за время болезни.

Канцев включил ноутбук и во всемирной паутине, сотканной неведомым пауком, задал поиск «Концепции общественной безопасности».

Болезнь выгнала из него злость к представителям анонимных авторов концепции устойчивого общественного развития, с которыми он был заочно знаком по выкладываемым в Интернет видеолекциям. История этого знакомства была долгой, начиналась восторженно и благодарно, прошла много стадий и чуть не завершилась стойкой неприязнью Фёдора к умникам, смотрящим на человеческий род свысока.

Обрушившаяся на Фёдора свобода заниматься тем, чем хочется, без соглядатаев и причётчиков, поначалу накрыла его волной излишней самоуверенности. В сбитом жиром и мышцами теле поселилась юношеская лёгкость; способность вершить большие дела не подвергалась сомнениям; внутренний мотор раскручивал желание бежать быстрее и дальше, покоря пространства, которое сдерживалось до поры лихорадкой затворничества над самоделками. Пока был спрос на модели и шли деньги, дававшие мнимую свободу, надо было работать, не покладая рук и не различая времени суток. С точки зрения практических результатов, бег на месте в виде затворничества был эффективен, но сушил мозг. Работая, Фёдор мог думать сам с собой, но не говорить. А хотелось говорить. Или слушать. А если слушать, то людей умных, смотрящих далеко и заряженных на большие свершения.

Так Фёдор открыл для себя мир Интернет-лекций, похожий на поразивший его в детстве разноголосый базар с гадалками, пугавшими не слушавшую их бабушку страшными карами, с ворами, пойманными за руку, и проходимцами, норвящими всучить вместо добра барахло.

Бабушка любила базар и умела выбрать на нём настоящий товар. Её внуку понравился базар виртуальный, на котором, как он считал, найдёт нужные ему ключи разума, сокрытые могучим информационным шумом.

Первым его открытием были лекции назвавшегося профессором Жданова.

Профессор учил восстанавливать зрение, тренируя мышцы глаз. Специалист-оптик, кандидат физико-математических наук, он оседлал конька, в котором был силён, – метафизическое представление о работе оптической биосистемы.

Канцеву было понятно, что это только один из возможных взглядов на проблему ухудшения зрения, не отвечающий на все вопросы. Но ведь каждый честный взгляд важен. Один пропустишь, и не будет необходимого разнообразия. А проповеди Жданова были яркие, понятные с технической точки зрения, и человечные. Гимнастика, которую делал этот не очень спортивный человек вместе со всеми, «Школьный вальс», который он запевал для настройки аудитории на общую добрую волну – неудивительно, что женщины-слушательницы вращали за ним глазами и сводили их в точку на гимнастике, а потом старательно подпевали. Даже Фёдор Викторович, косящий одним глазом на экран компьютера, не выдерживал и мурлыкал, замирая над самолётиком:

«Когда уйдем со школьного двора
Под звуки нестареющего вальса,
Учитель нас проводит до угла,
И вновь – назад, и вновь ему с утра —
Встречай, учи и снова расставайся,
Когда уйдем со школьного двора».

Но почему у Канцева проскочило словечко «проповеди»?

Лекции и беседы, заочным свидетелем которых он был, правильнее было назвать анти-проповедями. Потому что пожилая гвардия аналитиков и правдолюбцев не пропагандировала и не агитировала, она предлагала поговорить о жизни, звала слушателей к любви и справедливости, отрицала хитро навязываемую традиционными проповедниками ценность – иметь деньги и маскируемую ими цель – иметь много денег.

Пророки, проповедники, учителя и жрецы – всё это не точно, не про них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.